

Для активизации познавательного интереса студентов к народным традициям и обрядам, с участниками лаборатории были осуществлены поездки по музеям Сурского, Карсунского районов Ульяновской области, а так же знакомство и активное сотрудничество с клубом исторического фехтования «Ясень». Художественный руководитель клуба «Ясень», Некрасова Екатерина Александровна была инициатором совместной поездки со студентами на фестиваль реконструкции исторических событий в марте 2009 г. в г. Жигулёвск Самарской области, где студенты смогли поучаствовать в реконструкции древне русской битвы 16-17 вв. и в свадебном обряде 17 в.

В результате проведенного теоретического анализа литературы и полученного практического опыта, целесообразно сделать выводы о том, что все ранее созданные студентами коллекции костюмов народов Поволжья изготавливались по эскизам 18-19 вв. Одновременно с этим студентов заинтересовала тема более ранних костюмов народов Среднего Поволжья рубежа 16-17 вв., когда одежда не имела еще столь выразительных украшающих элементов, а носила практический смысл, была функциональна и более удобна как для мужчин, так и для женщин. Это послужило идеей создания новых мужского и женского костюмов 16-17 вв., из материалов приближенных к данному историческому периоду, с использованием только ручного труда в технологии пошива костюмов и их декорирования (плетёные пояса, ручная вышивка).

Подводя итог сказанному, отметим, что костюм представляет собой своеобразный социокод, передающий информацию из прошлого в будущее, а наша задача – сохранить и передать последующим поколениям национальные черты бытовой и праздничной культуры народов Поволжья.

ГРАМОТНОСТЬ СТАРООБРЯДЦЕВ В СИМБИРСКО-УЛЬЯНОВСКОМ ПОВОЛЖЬЕ В КОНЦЕ XIX В.

*А.И. Бобровник, 2 курс, экономический факультет
Научный руководитель – А.А. Виноградов, к.и.н.*

Ульяновская государственная сельскохозяйственная академия

Важной движущей созидательной силой в большинстве аграрных районов России до конца XIX в. выступали старообрядцы. Поэтому считаем нужным показать их уровень образования и характерные особенности на тот период на примере Симбирско-Ульяновского Поволжья.

Грамотность среди старообрядцев в XIX в. была распространена шире, чем в остальной массе населения. В поповщине грамотных было больше среди мужчин, а в беспоповщине - среди женщин. Возможно, причины этого кроются в хозяйственной среде ценились сыновья: сын — себе, дочь - другим. Иное дело у беспоповцев: не признавая брака, они меньше внимания уделяли воспитанию мальчиков, чем девочек. И учили здесь детей главным образом не мужчины, а женщины, причем обычно уже больших, с 15-16 лет и даже до 30. «Наука» ограничивалась умением читать и писать по уставу. Все это представляется не случайным. Овладение грамотой давало женщине заработок. Выучившись, женщины хорошо зарабатывали отправлением богослужением,

принятием покаяния, сорокоустами. По умершему старообрядцу требовалось в течение шести недель читать псалтырь. Все это выполнялось почти исключительно женщинами и давало хороший заработок (например, у Симбирских федосеевцев в селе Ждамирово Алатырского уезда за шесть недель платили от 6 до 20 рублей серебром). Хорошо оплачивалась переписка духовных книг. Это дело было налажено должным образом. Работа велась артелью, при молебных (1).

Так как переписчиков требовалось значительно меньше, чем для чтения, большинство старообрядцев, практически умея читать, писать затруднялись. Иногда старообрядцы или старообрядки учились грамоте друг у друга. Это было характерно до середины XIX в., позднее старoverы стали использовать более широкий спектр получения образования.

В богатых домах старообрядцы для своих семей нанимали учительниц. Живя в доме нанимателя, они обучали приходящих учеников и из других домов. Учение ограничивалось церковной азбукой, часовником, псалтырем, умением читать книги церковной печати, писать и петь по крюковым древним нотам (2).

Переписанные и старопечатные книги пользовались в старообрядчестве большим спросом. Их покупали в разных местах, главным образом в Москве.

В древней Руси переводилось и распространялось большое число книг религиозно-нравственного содержания, привезенных из Византии. Многие из них были враждебны официальной церковной доктрине. Они служили любознанию, но впоследствии, с распространением образованности, все более оседали в народе, приобретая новую среду потребления. В дальнейшем их унаследовало старообрядчество, и стало их подлинным хранителем и сберегателем (3).

В этих книгах запечатлелось и двоеверие: псалтыри сопровождались отречёнными гадательными книгами «о лунных днях», предсказаниями о том, когда удобно садить, сеять, вступать в брак и т.п. Унаследовав все это, старообрядчество укреплялось в качестве носителя старой народной психологии и мировоззрения. В частности, в этом была его притягательная сила для неискушенных наукой людей. Старообрядчество служило до известной степени средством для народа находить пищу уму, хотя и относительно скудную пищу, в итоге чего он попадал под влияние схоластического догматизма через непонятные, туманные фразы (4).

Старообрядческие общины изыскивали средства, чтобы обеспечить своих учителей сторулевым жалованьем. Для учителя начальной школы такое вознаграждение в России рубежа XIX - XX вв., **вещь неслыханная, и старообрядцы** показывали пример, как нужно дорожить необходимыми людьми. Для них человек со средним образованием, посвятившей себя старой церкви, явление пока не совсем обычное, и такому человеку они спешили дать дорогу. Интересна в этом отношении постановка дел в нижегородской старообрядческой школе, сторонниками которой были и симбирские старoverы. В ней учились около 150 человек, съехавшихся со всех концов России. Жили они на полном пансионе и совершенно бесплатно. Программа школы вполне соответствовала программе земской школы, использовались и учебники те же, за исключением Закона Божия, который преподавался в старообрядческом духе. Школа была разрешена с большим трудом.

Женщина занимала видное место в религиозной жизни. Так, многие из пожилых старообрядок, уединялись в кельях, которые ставили позади родственных домов или в стороне. Они почитались наравне с отшельницами; побывав-

ших в скитах звали «матушка», а при встрече им кланялись не только старообрядцы, но и православные-никониане. Многие келейницы выкупались на волю при помощи общинных средств. Деятельные пропагандистки старообрядчества, нередко грамотные, читали старообрядческие книги, молитвы, пели каноны, подчас отправляли обряд богослужения, также обучали детей.

Таким образом, анализ переписных листов 1897 г., архивных материалов Симбирской духовной консистории, отчетов православных миссионеров и других исторически значимых документов, а также полевых материалов автора о структуре семей рассматриваемого региона позволяет сделать следующий вывод:

Большинство сельских семей (супруги, дети) являлись малограмотными (мужчины, главы семейств, их сыновья умели читать, писать). Процент грамотных старообрядцев, как мужчин, так и женщин был существенно выше, чем у православных. Особенно высоким был процент грамотных в тех местах, где помимо старообрядческой веры способствовали изучению грамоты и экономические предпосылки (наличие торговых путей, развитые ремёсла и т.п.).

В заключении следует сказать, что глубокое овладение сокровищами русской культуры в сочетании с грамотностью и тягой к просвещению, активное воплощение в жизнь своего религиозного идеала в значительной мере способствовали высокому жизненному уровню старообрядцев, успешности их деловой активности. Эти обстоятельства приводили к экономической консолидации староверов, открывали возможности для освоения новых направлений и методов предпринимательства.

Литература:

1. ГАУО, Ф. 597 - Фонд Всеобщая перепись Российской империи, оп. 1, д. 17, 22, 24, 25, 26, 27, 30, 31, 47, 55
2. Первая всеобщая перепись населения Российской империи, 1897ДХХ1Х Симбирская губерния 1904 г., с. 8
3. Полевой Этнографический Материал с. Кувшиновка Ульяновскогор-на, 2002 г.
4. ПЭМ с. Вальдиватское Карсунского района, 2005 г. ПЭМ рабочий посёлок Языково Карсунский района, 2006 г.